

Социально-психологический мониторинг рисков межнациональной конфликтности: методология и практика

И.М. КУЗНЕЦОВ

кандидат социологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского городского психолого-педагогического университета, ведущий научный сотрудник отдела этнической социологии Института социологии РАН

О.Е. ХУХЛАЕВ

кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского городского психолого-педагогического университета

В статье представлено описание социально-психологического мониторинга рисков межнациональной конфликтности, являющегося системой регулярных замеров потенциала межнациональной конфликтности населения. Показано, как инструментальный мониторинг интегрирует данные социально-психологических исследований, технологии массовых социальных опросов и регулярных замеров определенных социальных переменных. Описаны четыре блока вопросов мониторинга. Первый основан на шкале этнонациональных установок (предпочтений); второй — на выявлении уровня допустимости насилия в решении межэтнических и межконфессиональных проблем; третий блок выявляет склонность к нарушению общепринятых правил и юридических норм соблюдения общественного порядка; четвертый является отражением показателя отношения к мигрантам.

Ключевые слова: *межнациональная конфликтность, мониторинг, этнонациональные установки, миграция, типологическая группа.*

Постановка проблемы

Несмотря на размывание этнокультурных границ и увеличение межэтнических контактов, вопросы межнациональных отношений в современном мире не теряют своей остроты. Проблема снижения межнациональной конфликтности в научном плане рассматривается с точки зрения права [4], как предмет политологического анализа [10], в контексте задач управления конфликтной ситуацией [1].

Наличие социального запроса находит свое отражение и в психологических исследованиях. Психология предубеждений, так же как и анализ внутреннего структурирования межэтнической установки, является одной из центральных исследовательских тем для социальных психологов. В зарубежной социальной психологии, кроме того, широко изучаются феномены расизма и дискриминации, фактически являющиеся продуктами общественно-политического и психо-

логического дискурса. Со времен первых экспериментов А. Тежфела в рамках концепции социальной идентичности рассматривается проблематика межгрупповых отношений.

Однако данными концептами практически ограничивается исследовательское пространство в области анализа проблем межнационального взаимодействия. При этом усилия исследователей последних лет сосредоточиваются в основном на тех же концептах, но выраженных более широкими терминами, такими как «толерантность» или «ксенофобия». Немногочисленные психологические исследования национализма осуществляются в основном в рамках политико-психологических исследований. При этом реальным предметом таких исследований является опять-таки рассмотрение особенностей функционирования политологического конструкта «ксенофобия», отраженного на социально-психологическом уровне когнитивных, а не собственно психологических механизмов фильтрации, отбора и усвоения поведенческих, ценностно-нормативных и других инноваций, приносимых в данную этнокультурную среду благодаря интенсификации этнокультурных контактов, которые абсолютизированы в политическом конструкте «ксенофобия». Пока даже не поставлена проблема именно социально-психологической концептуализации этого феномена социально-политической сферы жизни, т. е. в оборот социальной психологии вводятся новые «сущности» без однозначного обоснования необходимости этого действия.

В результате психологические феномены, связанные с межнациональными отношениями, чаще всего рассматрива-

ются в контексте диспозиций общественного сознания, отражающих отношение к указанным политическим конструктам. Таким образом, упускается из виду и то, что в данном случае мы имеем дело не только с феноменом, связанным с информационной средой большой социальной группы, но и с индивидуальными отражениями социальных процессов мезо- и макроуровней. Это грозит не только наличием методологических ошибок. Дело в том, что прикладное применение результатов такого рода социально-психологических исследований возможно только в контексте большой группы. Для социальной инженерии не является значимым снижение предубежденности у нескольких человек — важно изменение социального феномена.

Исследования же, связанные с большими группами, традиционно являются прерогативой социологов, проводящих массовые социологические опросы. Их задача — дать детальную социографическую «картинку», репрезентирующую генеральную совокупность на момент опроса. В этом случае объектом исследования является выборочная совокупность, а выводы могут относиться только к линейным распределениям присутствующих в анкете переменных. Соответственно приоритетом в этом случае является изложение данных в формате таблиц частотных распределений по ответам респондентов.

Применительно к нашей теме в этом случае мы имеем описание представлений, связанных с межнациональными отношениями. Эта картина может быть более или менее четкой, однако на ее основе затруднительно осуществлять то или иное социальное воздействие.

Таким образом, с одной стороны, мы имеем накопленные в рамках социально-психологических исследований пусть и не охватывающие все аспекты, но многочисленные данные о взаимосвязях разнообразных переменных, связанных с межнациональными отношениями, но диагностируемых только на уровне личности и/или малой группы.

С другой стороны, существует опыт описания массовых представлений о межнациональных отношениях, накопленный в рамках социологических исследований [7; 8; 11 и др.].

Кроме того, актуальная социальная ситуация несет в себе запрос к исследователям на регулярное получение данных о переменных, связанных с межнациональными отношениями. Причем эти данные должны обеспечивать возможность прогноза развития ситуации и возможности управления с целью изменения (социальной инженерии).

В рамках авторского подхода мы предлагаем формат социально-психологического мониторинга, интегрирующего данные социально-психологических исследований, технологии массовых социальных опросов и технологию мониторинга, т. е. регулярных замеров ключевых переменных, необходимых для принятия управленческих решений [9].

Методология

Целью предлагаемого мониторинга являются периодические замеры потенциала межнациональной конфликтности населения, а также уточнение влияния на этот потенциал различных факторов социально-психологического и социально-средового характера, поддаю-

щихся управлению посредством социально-педагогических и административных воздействий на различные категории населения.

Задачами подобного регулярного исследования являются:

прогностическая диагностика текущей ситуации по отдельным проблемным (т. е. нуждающимся в управленческом внимании) направлениям;

оценка объемов и основных социально-демографических характеристик групп риска межнациональной конфликтности;

установление статистически достоверных связей (с опорой на стандартные, принятые в математической статистике коэффициенты связи) между фиксируемыми диагностическими признаками и факторами среды, влияющими на динамику их изменения и доступными для контроля и целенаправленного управления.

Интеграция данных социально-психологических исследований осуществляется на уровне создания инструментария.

Он создается из модифицированных для целей массового опроса социально-психологических методик, по которым ранее накоплен богатый эмпирический материал в рамках стандартных психологических исследований. Однако несмотря на «сжатость» инструментария (по сравнению с батареями психологических тестов) мы все равно предлагаем сохранять шкальную структуру. Она обеспечивает снижение влияния социальной желательности, поскольку результаты формируются не на основе одного мнения, а их совокупности, что гораздо сложнее контролировать респонденту.

Таким образом, инструментарий составляется из субшкал, позволяющих

собирают информацию о латентных, не всегда контролируемых респондентом характеристиках его видения ситуации и готовности на нее реагировать. В силу этого респондент в меньшей степени осознает действительные задачи исследователя и потому формирует ответ менее целенаправленно, чем это происходит, например, при опросе общественно-го мнения.

По результатам замеров формируются показатели, представляемые количественно в виде доли распространенности среди населения соответствующих диспозиций. Ситуацию можно признать относительно устойчивой и слабоконфликтной, если доля негативных диспозиций существенно перевешивается долей группы с выраженными позитивными тенденциями. Кроме того, уже на этапе создания инструментария в него закладывается следующая идея, являющаяся «краеугольным камнем» социально-психологического мониторинга. Ключевым объектом подобного исследования являются не отдельные мнения (и их репрезентация в процентном или ином соотношении) а аналитические типологические группы. Это группы людей, носителей определенных установок, связанных с межнациональной конфликтностью, не одно десятилетие изучаемые отечественными и зарубежными исследователями на разных выборках в разных регионах мира. Они характеризуются достаточно хорошо изученными особенностями ценностных диспозиций, поведенческих реакций, идеологических дискурсов и т. п.

В отличие от классического социологического исследования, где разные выборочные совокупности отражают раз-

личные реальности, одна и та же **типологическая группа** может диагностироваться на разных выборках и при этом вести себя достаточно устойчиво. Соответственно формальный статистический анализ данных социально-психологического мониторинга межнациональной конфликтности предназначен, в первую очередь, для того, чтобы более или менее точно идентифицировать эти группы и судить об их актуальной структуре. Таким образом, в инструментарий закладываются наиболее отчетливые и устойчивые маркеры выделенных ранее типологических групп.

Такой подход дает возможность судить не столько о состоянии межнациональных отношений, сколько о возможностях и точках приложения внешних административных усилий по модификации сложившейся ситуации. Это возможно если рассматривать полученные распределения по показателям не как статистическую «картинку», а как характеристику состояния динамической системы с обратной связью. При этом ключевой переменной данной системы является именно состояние типологических групп и их размеры.

Также, следует отметить, с точки зрения функционирования типологической группы как динамической системы самой опасной совокупностью является средняя как наименее предсказуемая. В классических социографических исследованиях со статической точки зрения дискретной «картинки» данная группа определяется как устойчивое «болото». Группами риска в этом случае являются носители «экстремальных» установок. Но с точки зрения динамической системы именно то, что сейчас считается «средним», и определяет основ-

ные реальные последствия ситуации. Так, в случае ксенофобии наиболее угрожающим с точки зрения общественной безопасности являются не локальные националистические акты, предпринимаемые немногочисленными фанатично настроенными молодыми людьми, но отношение большинства к данному рода действиям. Как показано в различных экспериментах С. Московичи [12], меньшинство (а явные активные националисты чаще всего немногочисленны) может оказывать влияние на большинство за счет сплоченности, наличия четкого однозначного мнения и отработанных поведенческих сценариев по ключевым позициям при условии отсутствия этих преимуществ у большинства.

При этом особенностью большинства (по крайней мере, как показывают наши исследования, в контексте межнациональных отношений [14]) является как раз отсутствие четкого мнения, сочетание противоречивых установок. Таким образом, чем больше масса неопределившихся в области межнационального взаимодействия, тем более непредсказуемо поведение всей системы в меняющихся условиях. Этот риск отчасти более опасен, чем риски, связанный с явными националистическими «всплесками», потому что его легко не заметить. Но в ситуации «раскачивания лодки» в режиме, резонансном с реальными общественными запросами, в массе могут резко возобладать установки на агрессивное отношение к представителям иных национальностей. Причем осуществляться это все может (как часто и происходит в реальности) на фоне разговоров о толерантности и необходимости в принципе принятия «иных», но невозможности это осуществить в настоящее время.

Таким образом, ключевое направление социально-психологического мониторинга рисков межнациональной конфликтности — это анализ «неопределившихся» и прогнозирование рисков, связанных с текущим состоянием данной группы и возможностями ее изменения.

Структура инструментария мониторинга

Представления авторов о социально-психологическом мониторинге межнациональной конфликтности получили реализацию в нескольких исследовательских проектах. Это мониторинг этноконтактной ситуации, реализуемый в Москве с конца 2009 г. и на протяжении 2010 и 2011 гг. ежеквартально по заказу Департамента межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с религиозными организациями Москвы. Отдельные блоки инструментария использовались при выполнении Институтом социологии РАН государственного заказа по оценке рисков этноконфессионального экстремизма на федеральном уровне. В 2011 году авторами был подготовлен инструментарий для мониторинга межнациональной конфликтности в образовательных учреждениях Москвы, проводимого Московским городским психолого-педагогическим университетом в 2011 и 2012 гг.

Основное содержание мониторинга составляли четыре блока вопросов. Как было отмечено выше, в силу специфики «социально-психологического» формата мы считаем необходимым использовать в данном инструментарии модифицированные для целей массового опроса социально-психологические методики [16].

В основание *первого блока* легла Шкала этнонациональных установок (предпочтений), разработанная группой авторов (О.Е. Хухлаев, И.М. Кузнецов., Н.В. Ткаченко), реализующая идею многомерного изучения генерализованных установок респондентов по поводу «национальности» и «межнациональных отношений», маркируемых (из-за особенностей российского общественного дискурса) как синоним «этничности» [15]. Опросник разработан в 2007–2008 гг. посредством совмещения качественной и количественной методологии на материале исследования старшекласников Москвы [13] и апробирован в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Социально-психологический анализ факторов возникновения и условий предотвращения национализма в молодежной среде» на выборке более 1000 молодых людей в трех регионах России и в ближнем зарубежье [14].

В контексте авторского подхода этнонациональные установки определяются как предрасположенность индивида к оценке проявлений феномена национальности (этничности) или оценочное отношение к феномену национальности.

С точки зрения отечественного понимания социальной установки можно сказать, что этнонациональные установки — это смысловые установки, так как они связаны, в первую очередь, со смыслом явления «национальность» вне зависимости от ситуативного контекста взаимоотношений. Предубеждение же, напротив, всегда существует в контексте реальных межгрупповых отношений, а его объект — конкретная этнонациональная группа. Используя подход А.Г. Асмолова [2], можно сказать, что предубеждения — это операциональные уста-

новки, так как связаны, в первую очередь, с решением задачи в ситуации межгруппового взаимодействия. Таким образом, в отличие от предубеждения этнонациональные установки являются генерализованными аттитюдами, выходя за рамки конкретных межгрупповых отношений.

В рамках мониторинга данная шкала отражает следующие параметры:

1) уровень негативного отношения к иным национальным группам;

2) уровень позитивного отношения к собственной национальной группе;

3) баланс отношений к собственной и иным национальным группам. Это важный показатель, отражающий, насколько негативные и/или агрессивные установки на иные национальные группы компенсируются позитивными установками в отношении своей национальной группы.

В ходе разработки этой шкалы на разных группах молодежи и подростков (в том числе «скинхедов», «антифа», этнически нейтральных группах) удалось выявить типичные профили национальных установок, характерные для каждого из этих сообществ, что позволяет с высокой точностью выявлять как интолерантные, так и толерантные межэтнические настроения в молодежной среде Москвы конкретно по определенным территориям для последующей работы.

Второй блок вопросов направлен на выявление уровня допустимости насилия в решении межэтнических и межконфессиональных проблем.

Этот показатель характеризует распространенность молчаливого или даже ожидаемого общественного одобрения и оправдания самоорганизованных (негосударственных) насильственных дейст-

вий в определенных социальных ситуациях при решении межэтнических и межконфессиональных споров. По динамике изменения этого показателя можно оценивать и прогнозировать с достаточной степенью вероятности уровень востребованности (даже некоторой «героизации») этноэкстремизма. Об этом убедительно свидетельствует значимо более высокая популярность «скинхедов» среди групп подростков, которые демонстрируют высокие показатели допустимости насилия. Следовательно, возможно масштабное пополнение новыми сторонниками тех или иных уже существующих или формирующихся радикально-агрессивных групп.

При этом необходимо принимать во внимание, что тот или иной уровень допустимости насилия отчасти является составляющей исторически сложившегося этнокультурного комплекса. Во многом ситуация зависит от того, насколько в данной культуре ценятся и воспитываются маскулинные (т. е. ориентированные на «мужской» стиль взаимодействия с окружающим миром) образцы поведения. «Маскулинные культуры» ценят в своих членах, в первую очередь, активность, стремление к власти и статусу. В силу того что в России традиционно живут люди разных национальностей, современное российское общество включает в себя несколько различных культурных моделей. В частности, к маскулинному культурному типу тяготеет традиционная культура северокавказских народов. Сами по себе эти стереотипы поведения, если они проявляются в «своей» культурной среде — в той, которая их воспитала и которая именно такое поведение и считает единственно правильным и возможным,

не представляют больших проблем. Однако за пределами данного культурного ареала, в иных социальных условиях, подчиняющихся иным культурным нормам, такое поведение может быть источником конфликтов с окружающими. Например, конфликты, возникающие на межнациональной почве между внутренними мигрантами, прибывающими из республик Кавказа в регионы центральной России, и принимающим их русским большинством, во многом представляют собой не столько конфликт личных интересов, сколько противостояние образцов и стилей поведения, усвоенных в различных культурных средах и считающихся «там» обычными и нормальными, а «здесь» — агрессивными и захватническими. В частности, традиционной культуре жителей Кавказа свойственно поведение, которое исследователи называют соревнованием *маскулинностей* [3]. В наиболее яркой форме оно проявляется у молодежи. Выражается такое поведение в том, что молодой человек в процессе детской и юношеской социализации постоянно испытывается сверстниками на мужественность и стойкость. Однако за пределами своей культурной среды такое поведение является причиной повседневных бытовых конфликтов: любой конфликт воспринимается как вызов их мужественности, на любое, самое незначительное пренебрежение и оскорбление необходимо сразу же отвечать, нельзя игнорировать обидчика или идти с ним на компромисс или даже обращаться за разрешением конфликта в правоохранительные органы — это воспринимается окружающими как слабость и влечет за собой позор и дискредитацию мужской идентичности.

При этом следует отметить, что значение «нормального» внутрикультурного уровня маскулинности для каждой данной этнической группы — вопрос крайне неоднозначный и требующий специализированного этносоциологического исследования. В силу этого данный фактор может быть учтен только качественно, при анализе и интерпретации конкретных показателей уровня допустимости насилия в связи с принадлежностью к той или иной этнической культуре.

Третий блок вопросов выявляет склонность к нарушению общепринятых правил и юридических норм соблюдения общественного порядка. Данный показатель характеризует относительную распространенность ориентаций на нарушение общественных и юридических норм.

Как свидетельствует опыт применения этого блока измерений на группах разного рода рисков (склонные к употреблению наркотиков и алкоголя, участники уличных агрессивных группировок и т. п.), высокий уровень склонности к нарушению общепринятых правил и юридических норм является количественным выражением степени «незаконопослушности» и статистически достоверно диагностирует большую вероятность участия в указанных группах риска, включая участие и в экстремистской неформальной деятельности. Для нашего анализа это фоновый относительно устойчивый во времени показатель, увеличивающий экстремистские риски, фиксируемые другими показателями. Иначе говоря, если фиксируется превышение негативных установок по отношению к другим этническим группам, то при сочетании с высоким уровнем склонности к нарушению общественных норм следует ожидать повышенной вероятности во-

площения негативных межэтнических установок во внеправовые и/или агрессивные действия по отношению к представителям одиозных, с точки зрения данной группы, национальностей.

Склонность к нарушениям общепринятых правил и юридических норм — это своего рода катализатор. Например, если в конкретной микросреде высок уровень аутистической агрессии, но склонность к нарушениям не проявлена, то активность участников, скорее всего, ограничивается острыми высказываниями на форумах и/или вербальной агрессией. Если же данный показатель высок, вероятны физические столкновения или участие в несанкционированных акциях. Причем это, как и уровень допустимости насилия, показатель не индивида, а среды, в которой индивид живет, и меняется или может быть изменен динамикой характеристик среды, на чем и могут быть основаны соответствующие рекомендации.

Четвертый блок вопросов является отражением показателя отношения к мигрантам. Он состоит из трех частей:

- 1) уровень позитивного отношения к мигрантам;
- 2) уровень негативного отношения к мигрантам;
- 3) баланс позитивного и негативного отношения к мигрантам.

Показатель отношения к мигрантам фиксирует готовность принять их в качестве «своих» полноправных (с точки зрения обычного, не юридического права) членов социальной микросреды. Он является ключевым в предлагаемой системе диагностики локальных этносоциальных сред, поскольку высокие уровни негативного отношения к мигрантам, с одной стороны, сигнализируют о скла-

дывающейся благоприятной почве для роста и проявления этноконфессионального экстремизма, а с другой, демонстрируют уровень интегрированности самих мигрантских групп с «коренным» населением данной территории.

В целом наши специальные исследования миграционной ситуации в Москве показывают, что мигрантофобия является запускающим фактором для роста этнической ксенофобии [5; 6]. При этом по данным социологических исследований, основное недовольство москвичей вызывает не собственно чужая этнокультурная специфика приезжих, не их иная вера, а их неинтегрированность в контекст повседневной жизни города, в котором они живут. В результате негативное отношение к мигрантам может быть вполне сочетаемо с декларированием позитивного отношения к культурному разнообразию. И напротив, согласие с классическими «толерантными» установками далеко не всегда является предиктором адекватной оценки миграционной ситуации и в сложившейся социальной ситуации не является «барьером» для роста мигрантофобии, в свою очередь, запускающей ксенофобские установки по отношению к отдельным этническим группам.

Выводы

1. Социально-психологический мониторинг рисков межнациональной конфликтности — это система регулярных замеров потенциала межнациональной конфликтности населения, предназначенных для предоставления информации, обеспечивающей принятие эффективных управленческих решений, направленных на снижение текущей меж-

национальной напряженности и профилактики ее возрастания. Данный инструментарий интегрирует данные социально-психологических исследований, технологии массовых социальных опросов и технологию мониторинга, т. е. регулярных замеров определенных социальных переменных.

2. Ключевым объектом мониторинга являются аналитические типологические группы. Это группы людей, носителей определенных установок, связанных с межнациональной конфликтностью, характеризующиеся достаточно детально изученными особенностями ценностных диспозиций, поведенческих реакций, идеологических дискурсов.

3. Центральное направление социально-психологического мониторинга рисков межнациональной конфликтности — это анализ типологической группы «неопределившихся» и прогнозирование рисков, связанных с текущим состоянием данной группы и возможностями ее изменения.

4. В силу специфики социально-психологического формата мониторинга, при создании инструментария используются модифицированные для целей массового опроса социально-психологические методики. В целом он состоит из четырех блоков вопросов. Первый блок основан на шкале этнонациональных установок (предпочтений). Второй блок вопросов направлен на выявление уровня допустимости насилия в решении межэтнических и межконфессиональных проблем. Третий блок выявляет склонность к нарушению общепринятых правил и юридических норм соблюдения общественного порядка. Четвертый блок вопросов является отражением показателя отношения к мигрантам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аклаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент. М., 2005.
2. *Асмолов А.Г., Ковальчук М.А.* О соотношении понятия установки в общей и социальной психологии // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой. М., 1977.
3. *Громов Д.В.* Соревнование «маскулинностей» как один из аспектов межнациональной напряженности в Москве // Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности. М., 2007.
4. *Зеленков М.Ю.* Межнациональные конфликты: проблемы и пути их решения (правовой аспект). Воронеж, 2006.
5. *Кузнецов И.М.* Мигранты в мегаполисе и провинции: вариативность реализации интеграционного потенциала. Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 7. М., 2008.
6. *Кузнецов И.М.* Этнорегиональная консолидация москвичей в контексте современной миграционной ситуации // Российская идентичность в Москве и регионах. М., 2009.
7. Межнациональная нетерпимость в городской молодежной среде (по следам событий на Манежной). Материалы к слушаниям на тему: «Молодежный националистический экстремизм: причины и следствия». Общественная палата РФ. Москва, апрель 2011 г.
8. Межнациональные отношения // Доминанты № 08 (24.02.2011). Фонд «Общественное мнение», 2011 .
9. *Милехин А.В.* Социологический мониторинг. М., 1999.
10. *Паин Э.А.* Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. М., 2004.
11. Подростки и юношество в многонациональной Москве: формирование этнического самосознания и межэтнических отношений. Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН (ИНАБ) 2007. № 3.
12. Социальная психология / Под ред. С. Московичи. СПб., 2007.
13. *Хухлаев О.Е.* Этнонациональные установки московских старшеклассников в условиях совместного обучения с мигрантами // Психологическая наука и образование. 2009. № 1.
14. *Хухлаев О.Е.* Этнонациональные установки современной российской молодежи // Вопросы психологии. 2011. № 1.
15. *Хухлаев О.Е., Кузнецов И.М.* Национализм как социально-психологический феномен: к постановке вопроса // Акмеология. 2008. № 3; 4.
16. *Хухлаев О.Е., Кузнецов И.М.* Социально-психологический подход к диагностике рисков межнациональной конфликтности // V съезд общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество». Материалы участников съезда. Т. II. М., 2012.